

0- 788429

На правах рукописи

ШУРУПОВА Ольга Сергеевна

**КОНЦЕПТОСФЕРА ПЕТЕРБУРГСКОГО И
МОСКОВСКОГО ТЕКСТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized Cyrillic letters, enclosed within a hand-drawn circle. A short horizontal line extends from the right side of the circle.

Елец – 2011

**Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Липецкий государственный педагогический университет»**

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Попова Елена Александровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Литвинякова Ольга Ивановна

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000678084

кандидат филологических наук, доцент
Павлова Алина Александровна

Ведущая организация: Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина

Защита диссертации состоится «17» мая 2011 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.059.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Елецком государственном университете имени И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе библиотеки Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. 300.

Автореферат разослан «15» апреля 2011 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

А. А. Дикина — Дикина А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современных условиях развитие лингвистики определяется идеей тесной взаимосвязи знаний о языке со знаниями о человеке. Ввиду этого немалую роль играет исследование текста и сверхтекста как феноменов культуры, в которых не только обретают подлинный смысл все языковые реалии, но и отражаются менталитет и сознание народа. Подобный подход к изучению языка способствует выявлению ценностных приоритетов пользующейся им нации, осознанию уникальности ее культуры, а также пониманию того, как осуществляется взаимодействие культур различных этносов. Данная работа выполнена с учетом этих положений, в рамках антропоцентрического направления в лингвистике.

Непреходящими ценностями отечественной культуры, на протяжении нескольких столетий имеющими важное значение для ее развития, являются Петербургский и Московский тексты русской литературы, в которых получают воплощение культурные коды двух духовных центров России и которые, развиваясь на протяжении XIX-XXI вв., сохраняют свои ведущие темы и мотивы, свои типы героев и языковые особенности. Через изучение концептосфер Петербургского и Московского текстов возможно как осмыслить мифотектонику каждого сверхтекста в целом, так и сопоставить их отдельные блоки, выяснив, как менялось восприятие городов носителями языка в разные периоды отечественной истории. Данная работа посвящена сопоставительному анализу концептосфер данных сверхтекстов, позволяющему выявить как сходство, так и глубинные различия в народном восприятии двух столиц, на протяжении нескольких веков находящихся в отношениях напряженного, полемического культурного диалога.

Актуальность исследования концептосфер Петербургского и Московского текстов, в которых в полной мере воплотилось противоречивое отношение русского народа к своим столицам, обусловлена как лингвистическими причинами, заключающимися в необходимости воссоздания на основе языковых данных фрагмента национальной картины мира, так и социокультурными факторами. Изучение сверхтекстов становится одним из важнейших направлений современной антропоцентрической лингвистики, поскольку позволяет рассматривать факты языка в неразрывной связи с культурой его носителей. Постигание Петербургского и Московского текстов русской литературы как лингвокультурологических феноменов может способствовать процессу осознания современным человеком индивидуальности той нации, к которой он принадлежит, и неисчерпаемого богатства ее культуры. Проникновение в концептосферы сверхтекстов и анализ общих и различных смысловых оттенков, которые реализуют в их рамках значимые для русского народа концепты, делает возможным как переосмысление с новых позиций мифотектоники Москвы и Петербурга, претерпевшей за время существования городов серьезные изменения, так и постижение принципов национального мировоззрения. В настоящее время, в ситуации самоопределения русского народа в мировом культурном пространстве, такое исследование приобретает особую актуальность и значимость.

Объектом исследования выступают Петербургский и Московский тексты русской литературы как фрагмент духовной культуры русского народа. **Предметом исследования** являются сходство и различия концептосфер Петербургского и Московского текстов русской литературы.

Материалом исследования послужили художественные тексты русской литературы XIX-XXI вв., составляющие Петербургский текст (произведения А.С. Пушкина, В.П. Титова, В.Ф. Одоевского, Н.В. Гоголя, А.А. Григорьева, Я.П. Полонского, Ф.М. Достоевского, В.В. Крестовского, И.Ф. Анненского, А.М. Ремизова, А.А. Блока, А. Белого, З.Н. Гиппиус, Н.А. Оцупа, А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилева, С.М. Городецкого, О.Э. Мандельштама, Саши Черного, Б.Л. Пастернака, А.С. Грина, М.М. Зощенко, Д.И. Хармса, К.К. Вагинова, О.Ф. Берггольд, А.М. Городницкого, И.А. Бродского, А.Г. Битова, Т.Н. Толстой, О. Постнова) и Московский текст (произведения А.С. Грибоедова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, А.Ф. Вельтмана, Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.Н. Майкова, И.С. Шмелева, И.А. Бунина, А.И. Куприна, В.Я. Брюсова, А. Белого, М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама, А.В. Чаянова, М.А. Осоргина, М.А. Булгакова, Саши Черного, М. Лисянского, С.А. Иванова, В.С. Андреева, В.Л. Кондратьева, Л.Ф. Воронковой, Н.М. Артюховой, А.Н. Рыбакова, Б.Ш. Окуджавы, А.М. Городницкого, В.С. Берзина, И.Ю. Клеха, А.В. Иличевского, Е.В. Гришковца, А. Барбуха, В.В. Орлова и др.). Общая выборка материала представлена 2500 примерами.

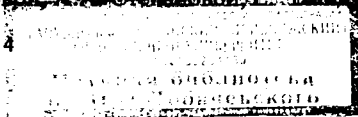
Целью настоящей работы является сопоставительный анализ особенностей репрезентации и интерпретации национально специфичных концептов в языковой ткани Петербургского и Московского текстов русской литературы.

В соответствии с поставленной целью предусматривается решение следующих задач:

- 1) выявить общие и различные особенности мифотектоники Петербургского и Московского текстов русской литературы;
- 2) определить ключевые принципы, по которым строятся концептосферы данных сверхтекстов;
- 3) проанализировать активный смысловой слой ядерного, околядерных и периферийных концептов Петербургского и Московского текстов;
- 4) сопоставить особенности языковой репрезентации и интерпретации сходных концептов в рамках каждого сверхтекста;
- 5) сравнить основные типы героев Петербургского и Московского текста как особую группу значимых для их смысловой организации концептов;
- 6) определить значимость Петербургского и Московского текстов и их концептосфер в формировании национальной культуры.

Теоретическими основаниями исследования являются:

- труды отечественных и зарубежных лингвистов, касающиеся проблем текста и сверхтекста: Г.В. Битенской, А.Е. Бобракова-Тимошкина, И.Р. Гальперина, В.А. Звегинцева, Н.А. Купиной, А.П. Люсого, Н.Е. Меднис, Т.М. Николаевой, Е.А. Поповой, С.Ю. Семеновой, А.А. Станиславской, Е.Цыганова;

- работы, посвященные Петербургскому тексту: В.М. Акимова, А.А. Александрова, С.В. Бурдиной, Ж.Е. Ермолаевой, Йэн К. Лилли, Е.Ю. Куликовой, Т.Е. Логачевой, Ю.М. Лотмана, Н.Е. Меднис, Е.В. Михайловой, Р.Г. Назирова, Л.А. Скубачевской, В.Н. Топорова, Э. Тышковой-Капшак, В.И. Тюпы, В.Д. Черняк, А.Д. Шмелева – и Московскому тексту: И.С. Веселовой, Е.Е. Левкиевской, Н.Е. Меднис, С.А. Небольсина, И.Г. Нечипорова, Т.М. Николаевой;

- исследования ученых, касающиеся Петербурга и Москвы как феноменов русской духовной культуры: Е.В. Анисимова, Н.П. Анциферова, Т.З. Бирюковой, В.Н. Бурлака, А.М. Буровского, С. Волкова, И.Е. Забелина, А.А. Иванова, К.Г. Исупова, В.О. Ключевского, Д.С. Лихачева, К.А. Маштаковой, Н.М. Молевой, Е.И. Осетрова, И.И. Пушкарева, М.И. Пыляева, Р. Рахматулина, Н.А. Синдаловского, Г.П. Федотова, В.Д. Черняк;

- работы исследователей, определяющих различные подходы к пониманию взаимодействия языка и культуры: А. Вежбицкой, М. Бютора, Г. Гачева, С.В. Канькина, Ю.М. Лотмана, Л.Н. Мурзина, Ю.С. Степанова;

- труды современных лингвистов в области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики: Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресяна, Н.С. Болотновой, С.Г. Воркачева, В.В. Колесова, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Н.Ю. Шведовой, А.Д. Шмелева.

Научная новизна работы обусловлена отсутствием трудов, посвященных сопоставительному изучению особенностей строения концептосфер Петербургского и Московского текстов русской литературы. Данная работа представляет собой первое в отечественной лингвистической науке монографическое исследование основных концептов как Петербургского, так и Московского текстов русской литературы. Выявление общих и различных для обоих сверхтекстов концептов, анализ ядерного, околоядерных и периферийных концептов с точки зрения их репрезентации и интерпретации в языковой ткани Петербургского и Московского текстов, исследование общих и различных смысловых оттенков, реализуемых данными концептами в пространстве каждого сверхтекстового единства, позволяет описать как процессы влияния ментальных особенностей русского народа на Петербургский и Московский тексты, так и роль данных сверхтекстов в формировании национальной культуры.

Выбор методов и приемов исследования обусловлен целями и задачами работы, а также характером изучаемого материала. В процессе исследования использовались *описательный метод*, позволяющий делать теоретические выводы на основе анализа эмпирического материала; *функциональный метод*, обращение к которому делает возможным изучение реализации того или иного концепта и его репрезентации в составляющих Петербургского и Московского текстов; *методика компонентного анализа*, с помощью которого можно выявить составные части внутри концептуальной структуры; *методика анализа словарных дефиниций*, раскрывающая особенности строения концепта и его семантического окружения; *методика анализа па-*

ремий, способствующая более полному описанию базового смыслового слоя концептов; *методика учета ассоциативных связей* концепта, помогающая раскрытию свойственных ему оттенков смысла; *методика теоретической интерпретации эмпирических данных и выявления тенденций и закономерностей* развития Петербургского и Московского текстов; *методика аппликации концептограмм*, позволяющая изучить лексическую сочетаемость репрезентантов того или иного концепта и проследить изменение содержания данного концепта в разных сверхтекстах; *сравнительный метод*, делающий возможным сопоставление результатов исследования концептосфер Петербургского и Московского текстов; а также *приемы классификации и систематизации* эмпирического материала.

Теоретическая значимость исследования заключается в анализе Петербургского и Московского текстов с точки зрения их концептосферы и выявлении особенностей функционирования в данных сверхтекстах значимых для русской языковой картины мира концептов. Изучение концептосфер двух наиболее значимых для отечественной культуры сверхтекстов способствует постижению феномена литературоцентричности, являющегося отличительной чертой русской ментальности. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших языковых, литературоведческих и культуроведческих исследованиях Петербургского и Московского текстов как важнейшей составляющей национальной культуры, а также при изучении других сверхтекстов. Работа способствует дальнейшему развитию лингвокультурологии, лингвистической аксиологии, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, стилистики, филологического анализа текста, межкультурной коммуникации.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования и его практические выводы могут применяться на занятиях в системе вузовского образования: при преподавании современного русского литературного языка (раздел «Лексика»), русского языка как иностранного, филологического и лингвистического анализа текста, стилистики, в курсах с культурологической направленностью и спецкурсах по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии; при проведении лекционных и практических занятий по истории русской литературы. Применение материалов данного исследования возможно на курсах повышения квалификации учителей-словесников и при проведении школьных занятий по русскому языку и русской словесности в рамках формирования культуроведческой и коммуникативной компетенции учащихся, а также в процессе изучения произведений А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.А. Блока, И.А. Бунина, И.С. Шмелева, М.А. Булгакова, А.А. Ахматовой и др., входящих в школьную программу по литературе. Привлечение внимания учащихся к глубинным связям между данными произведениями может способствовать лучшему знанию и пониманию школьниками русской литературы и культуры. Внимательное и глубокое рассмотрение отдельных составляющих Петербургского и Московского текстов, в каждой из которых отразились его основные особенности, несомненно, является одним из путей решения столь актуальных в настоящее время

задач духовного становления личности учащихся, их патриотического воспитания и формирования их эстетического вкуса.

Помимо этого, данные материалы могут применяться в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов, связанной с изучением специфики ментальности и культуры русского народа, а также в лексикографической практике: при составлении и пополнении лингвокультурологических словарей, словарей констант русской культуры. Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы при составлении не существовавших до сих пор словарей Петербургского и Московского текстов русской литературы, которые, несомненно, имели бы немалое значение для дальнейшего изучения этих сверхтекстов и сопоставления их с другими, а значит, и для более глубокого постижения национальной культуры в целом.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Петербургский и Московский тексты, существующие на протяжении более чем двух столетий и продолжающие свое развитие в настоящее время, представляют собой обширные культурно-системные единства текстов, являются важнейшей частью национальной культуры и оказывают серьезное влияние на формирование русской языковой картины мира.

2. Концептосферы Петербургского и Московского текстов, в которых воплощается их сложная мифотектоника, представляют собой системы, каждая из которых состоит из ядерного концепта *Петербург / Москва*, околоядерных концептов, одни из которых получают репрезентацию в обоих сверхтекстах (*природа, культура, вода, свет, радость, жизнь, смерть*), другие играют важную роль лишь в пространстве Петербургского (*камень, сон, явь, страдалец, носитель зла*) или Московского текста (*счастье*); с околоядерными опосредованно связаны периферийные концепты, получающие объективацию как в Петербургском, так и в Московском текстах (*дождь, снег; дом, церковь, кабак, концепты внутреннего пространства, лестница, улица; старуха, молодой человек; осень, зима, весна, лето*), а также имеющие большое значение почти исключительно в пределах Петербургского сверхтекста (*Медный Всадник; белые ночи, фонарь, бес; маскарад, театр; чиновник, проститутка, ростовщик, старуха, молодой человек, самоубийца*) или Московского текста (*дерево, птица, чай, метро*).

3. Ядерные концепты *Петербург* и *Москва* отражают многообразные варианты восприятия этих столиц (Петербурга как пышной имперской столицы и проклятого, зловещего города; Москвы как православной столицы и грешного, бесовского Вавилона), характерные для народного сознания, и оказывают влияние на строение концептосферы каждого сверхтекста.

4. Околоядерные концепты Петербургского текста связаны друг с другом по принципу оппозиции (*природа-культура, камень-вода, церковь-кабак, свет-тьма, сон-явь, радость-тоска, жизнь-смерть, страдалец-носитель зла*) и в соответствии с этим обладают определенной оценкой: концепты *природа, вода, кабак, тьма, сон, тоска, смерть, носитель зла* в большинстве случаев оцениваются отрицательно. Однако изначально противопоставленные им концепты *культура, камень, церковь, свет, явь, радость,*

жизнь, страдалец зачастую сливаются с ними, реализуя в пределах сверхтекстового единства общие оттенки смысла, и потому могут оцениваться двояко.

5. Концепты Московского текста практически не вступают в отношения бинарной оппозиции (за исключением концептов *церковь-кабак*) и, как правило, реализуют положительные оттенки смысла, не характерные для них в пределах Петербургского текста; большинство периферийных концептов, значимых для обоих сверхтекстовых единств, сопровождаются в их пространствах противоположными оценками (в Петербургском тексте обычно отрицательной, в Московском – положительной или нейтральной).

6. Система героев Петербургского текста отличается большей сложностью, чем в Московском тексте; помимо традиционно выделяемых в Петербургском тексте типов *чиновника, ростовщика, сумасшедшего, самоубийцы*, немаловажную роль в обоих сверхтекстах играют типы *молодого человека* и *карьериста*; если в Петербургском сверхтекстовом единстве представлено только два типа героинь: *проститутка* и *старуха* (связанные с ними концепты реализуют негативные смысловые стороны), то система героев Московского текста почти полностью представлена женскими типами, обычно оцениваемыми с положительной стороны (*дева, мать, старуха*); судьба более благосклонна к героям Московского текста, чем к жителям Петербурга, не имеющим, в отличие от первых, никакой надежды на счастье и неизменно несущим более суровое наказание за свои ошибки.

7. С помощью ключевых концептов как Петербургского, так и Московского текстов создается образ городов, жизнь в которых требует от человека большого напряжения духовных сил, и каждый из героев данных сверхтекстов неизбежно проходит через ряд испытаний, нередко заставляющих персонажей Петербургского текста осознать ценность человеческой личности, ощутить сострадание и любовь к ближнему, а жителя Москвы – обратиться к традиционным для русского миропонимания семейным ценностям. Таким образом, в обоих сверхтекстах получают выражение базовые ценностные приоритеты национальной культуры.

Апробация результатов исследования осуществлялась в виде докладов на научных конференциях различного уровня: XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 13-17 апреля 2009 г.), VI Межрегиональной научно-практической конференции «Управление, экономика, право и социально-культурные институты общества в условиях глобального финансово-экономического кризиса» (Липецк, 29 апреля 2009 г.), Международной научной конференции «Город-как-текст: литературные проекции» (Украина, Бердянский государственный педагогический университет, 10-11 сентября 2009 г.), V Международной конференции «Язык. Дискурс. Текст», посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Галины Федоровны Гавриловой (Ростов-на-Дону, Педагогический институт Южного Федерального университета, 20-21 апреля 2010 г.), межвузовской научной конференции «Великий подвиг народа», посвященной 65-летию По-

беды советского народа в Великой Отечественной войне (Липецкий государственный педагогический университет, 23 апреля 2010 г.), областной научной конференции «Актуальные вопросы гуманитарной науки», посвященной году учителя (Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 27-28 мая 2010 г.), Международной научной конференции «Языковые измерения: пространство, время, концепт» (Москва, Военный университет, 2 июля 2010 г.), I Международной научно-практической конференции «Лингвистика в современном мире» (Таганрог, 30 августа 2010 г.), Международной конференции молодых ученых «Молодежь в науке: проблемы и перспективы» (Липецкий государственный педагогический университет, 22 октября 2010 г.), Международной научной конференции «Живодействующая связь языка и культуры», посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Вероники Николаевны Телия (Москва, Институт языкознания Российской Академии наук – Тула, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, 1-3 ноября 2010 г.), II Международной научно-практической дистанционной конференции «Современная филология: теория и практика» (Москва, ноябрь 2010 г.), VI Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» “Свет Христов просвещает всех” (Липецкая и Елецкая епархия – Липецкий государственный педагогический университет, 26-27 ноября 2010 г.), областной научно-практической конференции «Л.Н. Толстой в контексте русской культуры» (Управление образования и науки Липецкой области – Липецкий государственный педагогический университет, 9-10 декабря 2010 г.), отчетных конференциях преподавателей, аспирантов и соискателей ГОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет» по итогам научно-исследовательской и научно-методической работы (2010-2011 гг.). Кроме того, апробация диссертационной работы осуществлялась на заседаниях кафедры русского языка и общего языкознания Липецкого государственного педагогического университета (2009-2011 гг.). По теме диссертации опубликована 21 работа.

Структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников исследования, списка использованной литературы, состоящего из 302 наименований, и пяти приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, ставится цель работы и очерчивается круг сопутствующих ей задач, определяются объект и предмет исследования, оценивается научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость работы, характеризуется эмпирическая база и методология исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, приводится краткое содержание работы.

В **первой главе «Проблематика сверхтекста в антропоцентрической парадигме изучения языка»** рассматриваются основные положения лингвистики антропоцентризма, изучается история постановки и решения проблем сверхтекста, характеризуются современные направления лингвистики в изучении взаимосвязи уровней текста и культуры, а также основные

подходы в определении понятий «концепт», «концептосфера», «языковая картина мира», исследуются особенности основных локальных свертхтекстов национальной культуры, прежде всего Петербургского и Московского текстов, рассматривается история их появления, выявляются изменения, которые претерпела мифотектоника Петербургского и Московского свертхтекстов.

В настоящее время общепризнанной является идея антропоцентричности языка, которая наиболее полно проявляется в текстовых исследованиях, так как текст, в котором обретают подлинный смысл единицы всех уровней языка, невозможно изучать вне человека, являющегося его творцом и адресатом. Текстцентризм становится одним из определяющих принципов современной науки о языке, причем если традиционная лингвистика текста исследовала системные отношения единиц внутритекстовой информации, то сейчас появились попытки рассмотреть взаимоотношения текстов и культуры, в рамках которой они созданы и частью которой являются. В пределах культуры тексты вступают друг с другом в различные взаимоотношения, в том числе составляют системные группы. Так, особый интерес представляют системы текстов, объединенных не только своим содержанием и идейной установкой, но и общим культурным кодом, который обнаруживает связь с мифологической традицией, и характеризующиеся смысловой и языковой цельностью. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, какой термин использовать для обозначения подобных текстовых систем (свертхтекст, интертекст, гипертекст, метатекст, архитекткст, X-текст и т.д.), тем не менее, наиболее уместным представляется термин «свертхтекст». Особую роль в пределах отечественной культуры играют так называемые локальные свертхтексты, складывающиеся вокруг топонимов высокой культурной значимости, которые стали источником устойчивых мифов, сохраняющихся в народном сознании на протяжении долгого времени и способных утратиться только в процессе коренных изменений в жизни нации.

Одним из наиболее важных для русской культуры свертхтекстов, создававшихся на протяжении нескольких эпох и продолжающих свое развитие в настоящее время, является Петербургский текст, в основе которого лежит мифологический код, связанный с противоречивым народным восприятием Петербурга как пышной, богатой столицы, с одной стороны, и города, который был построен царем-антихристом и противостоит патриархальной Москве, а потому обречен на гибель, – с другой. Жители подобного города лишены всякой надежды на счастье. Однако когда Петербург перестал быть официальной столицей государства, миф, определявший развитие Петербургского текста, претерпел изменения, став мифом о городе-мученике. Тем не менее, несмотря на изменение мифотектоники свертхтекста, он сохраняет свои основные черты. Признание Петербургского текста культурно-языковым феноменом делает особенно актуальным выявление его ключевых концептов, то есть *глобальных ментальных образований, являющихся единицами мыслительного кода человека, несущих комплексную информацию об отображаемом предмете или явлении и о его интерпретации индивидуальным и общенародным сознанием, отмеченных лингвокультур-*

ной спецификой и характеризующих носителей языка и культуры. В ходе исследования мы, опираясь на посвященные понятиям концепта и концептосферы работы Д.С. Лихачева, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Ю.С. Степанова, Н.Ю. Шведовой, выделяем в концептосфере сверхтекста ядерную, околоядерную и периферийную зоны и подвергаем анализу языковую репрезентацию и особенности функционирования концептов каждой зоны.

Московский текст менее изучен, чем Петербургский. В его пределах Москва предстает с различных, нередко взаимоисключающих сторон, что вызывает у некоторых исследователей (например, Н.Е. Меднис) сомнения в существовании единого сверхтекста. Тем не менее, системный анализ концептосферы текстов, объединенных образом Москвы, доказывает их единую мифотектонику. В пределах целостного сверхтекста существует несколько текстовых блоков, организованных вокруг мифологем «Москвы сакральной», «бесовской» и «праздничной» и обнаруживающих тесную взаимосвязь. Ключевые концепты Московского текста, как правило, реализуют в нем смысловые стороны, характерные для стандартной языковой картины мира, благодаря чему в большинстве посвященных городу текстов получает воплощение образ Москвы как места, где битва между добром и злом вновь и вновь завершается победой добра и возможной оказывается счастливая, гармоничная жизнь. Разумеется, сверхтекст правдиво отражает и недостатки города, однако для всех блоков Московского текста, в том числе для современных его составляющих, характерны единые ценности, связанные с семейным теплом, супружеством, воспитанием детей.

Вторая глава «Концептосфера Петербургского текста» представляет собой непосредственное рассмотрение Петербургского текста с точки зрения его концептосферы, в которой воплощается мифотектоника данного сверхтекстового единства. Концептосфера Петербургского текста имеет сложное строение. Ее можно представить в виде круга, центральное место в котором занимает ядерный концепт *Петербург*, к которому примыкают околоядерные концепты *природа, культура, вода, камень, свет, тьма, сон, явь, тоска, радость, жизнь, смерть*, в свою очередь связанные с периферийными концептами (*дом, улица, лестница, фонарь, белые ночи, Медный Всадник, театр* и др.). Ядерный концепт *Петербург*, в свою очередь, имеет полевую структуру, что отражено на схеме 1.

Схема 1 – Структура ядерного концепта *Петербург*

Анализ ядерного концепта сверхтекстового единства показывает, что его содержание получает репрезентацию в словах *Петербург, Санкт-Петербург, Питер, Петрополь, Петроград, Ленинград*, а также описательных выражениях *северная столица, младшая столица, город на Неве, город на болоте, город на костях, град Петров, Северная Пальмира, Северная Венеция, Северный Рим, окно в Европу* и т.д., в каждом из которых отражается одна из граней концепта, реализуются свойственные ему противоположные оттенки смысла, связанные с противоречивой мифотектоникой города. Петербург предстает в сверхтексте как горделивый, прекрасный и одновременно холодный, темный, враждебный человеку город: *«И всплыл Петрополь, как тритон, / По пояс в воду погружен...»* (А. Пушкин. Медный Всадник); *«...Наконец, серый осенний день, мутный и грязный, так сердито и с такой кислой гримасою заглянул к нему сквозь тусклое окно в комнату, что господин Голядкин никаким уже образом не мог более сомневаться, что он находится не в тридесATOM царстве каком-нибудь, а в городе Петербурге, в столице»* (Ф. Достоевский. Двойник); *«Когда в мрачнейшей из столиц / Рукою твердой, но усталой / На чистой белизне страниц / Я отречение писала»* (А. Ахматова. «Когда в мрачнейшей из столиц...»).

В ходе исследования были проанализированы парадигматические и синтагматические связи околядерных и периферийных концептов. Так, лексемы *свет* и *тьма*, *сон* и *явь*, *радость* и *тоска*, *жизнь* и *смерть* составляют антонимические пары, зарегистрированные в словарях антонимов (Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка [Текст] / Под ред. Л.А. Новикова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. – 592 с.). Кроме того, в пространстве данного сверхтекста лексемы *природа* и *культура*, *вода* и *камень*, а также *дом* и *улица*, *церковь* и *кабак* представляют собой контекстуальные антонимы. Концептосфера Петербургского текста гетерогенна, и это отражается в ее организации: околядерные концепты, каждый из которых занимает важное место в русской концептуальной и языковой картинах мира, составляют бинарные оппозиции, объективирующиеся в языковой ткани сверхтекста: *природа-культура* (и ее вариант *вода-камень*), *свет-тьма*, *сон-явь*, *тоска-радость*, *жизнь-смерть*. Один из членов подобной оппозиции традиционно оценивается носителями национальной культуры положительно (*культура*, *свет*, *явь*, *радость*, *жизнь*), в то время как противопоставленный ему концепт (*природа*, *тьма*, *сон*, *тоска*, *смерть*) носит двойственный характер и, на первый взгляд, сопровождается отрицательной оценкой. Однако отношения между членами каждой из ведущих для смысловой организации Петербургского текста оппозиций оказываются более сложными, так как оба концепта реализуют в пределах сверхтекста как положительные, так и отрицательные оттенки смысла. Зачастую оказывается, что концепт, который предстает в других составляющих русской культуры исключительно с положительной стороны, в пределах Петербургского текста получает более сложные оценки. Таким образом, члены концептных оппозиций зачастую не только и не столько противостоят друг другу, сколько сближаются, взаимно обогащая смысловое содержание друг друга. Анализ языкового материала подтверждает, что Петер-

бург предстает в свертхтексте как город, находящийся на границе природы и культуры, камня и воды, город, где осуществляется сложное взаимодействие сна и яви, света и тьмы, жизни и смерти, часто приводящее к их слиянию: «Скучно по Фонтанке гулять! Мокрый гранит под ногами, по бокам дома высокие, черные, закоптелые; под ногами туман, над головой тоже туман» (Ф. Достоевский. Бедные люди) (концепты вода-камень); «Наконец сновидения сделались его жизнью, и с этого времени вся жизнь его приняла странный оборот: он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне» (Н. Гоголь. Невский проспект) (концепты сон-явь); «А мы уже торопимся, живем / при полумраке, полумрак жуем, / не отличая полночь от зари, / и целый день не гаснут фонари» (И. Бродский. Шествие) (концепты свет-тьма); «Кто не слышал, как смерть дует в спину, не обрадуется радостям очага. Так что, если драгоценное чувство живой жизни притупилось, надо ехать в Питер в октябре. Если повезет, а везет почти всегда – уедешь оттуда полуживой» (Т. Толстая. Чужие сны) (концепты жизнь-смерть).

Каждый из околородных концептов оказывается связан с рядом периферийных концептов, которые тоже реализуют в Петербургском тексте противоречивые оттенки смысла и приобретают не свойственные им в стандартной языковой картине мира значения. Так, концепты весна, лето, дом, церковь, лестница, комод, диван, обои, улица, площадь, белые ночи, фонарь, которые традиционно сопровождаются положительной оценкой, в Петербургском тексте выполняют иную функцию, участвуя в организации пространства, в котором человек неминуемо обречен на страдание: «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу» (Ф. Достоевский. Преступление и наказание) (концепт лето); «Меня сжимал, как змей, диван. / Пытливый гость – я знал, / Что коммат бархитный туман / Мне душу отравлял» (А. Блок. «Лазурью бледной месяц плыл...») (концепты дом и диван); «Лестница! Грозная, теневая, сырая, – она отдавала безжалостно шаркнувший шаг» (А. Белый. Петербург) (концепт лестница); «Далее, ради Бога, далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо» (Н. Гоголь. Невский проспект) (концепт фонарь); «Поздний вечер. / Пустеет улица. / Один бродяга / Сутулится, / Да свищет ветер...» (А. Блок. Двенадцать) (концепт улица); «Гигантский краб Казанского собора / Меня в зеленой тине стережет» (Н. Оцуп. На дне) (концепт церковь).

Особенно противоречивым оказывается содержание появляющегося практически во всех составляющих свертхтекста концепта Медный Всадник, ибо эта статуя, ставшая символом Петербурга, воплощает все его противоречия: «С той чреватой поры, как примчался сюда металлический Всадник, как бросил коня на финляндский гранит – надвое разделилась Россия; надвое разделились и судьбы Отечества; надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа Россия» (А. Белый. Петербург). Добро в Петербургском тексте смешивается со злом, и этим объясняется то, что немаловажное место в организации концептосферы свертхтекста занимают концепты бес и враг

(данный концепт выделен и описан как один из ключевых для русской языковой картины мира А.Д. Шмелевым (Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.)). Например: «...Как обуянный силой черной, / Добро, строитель чудотворный! – / Шепнул он, злобно задрожав, – / Ужо тебе!..» И вдруг стремглаз / Бежать пустился...» (А. Пушкин. Медный Всадник). Значимая роль отводится в концептосфере Петербургского текста и концептам театр, маскарад, с помощью которых создается ощущение ирреальности, причудливости и противоестественности Петербурга: «...Гибель где-то здесь, очевидно, / Но беспечна, пряна, бесстыдна / Маскарадная болтовня» (А. Ахматова. Поэма без героя).

Герой Петербургского текста часто попадает в ситуацию выбора, который он должен сделать в пользу того или иного члена бинарной оппозиции: света или тьмы, сна или яви, тоски или радости, жизни или смерти, и если одни, не сумев смириться со своей судьбой, тоскуя и отчаиваясь в своем спасении, вступают на гибельный путь, связанный с темным началом, с отказом от подлинной действительности и со смертью, как телесной, так и духовной, то другие находят в себе силы преодолеть соблазны, которые предлагает им Петербург, и возрождаются к новой жизни. Таким образом, в концептосфере сверхтекста реализуются и отрицательные оттенки концептов, и их положительные стороны. Петербург предстает не только как гибельный, проклятый, но и как спасительный для человека город, где недостижимо земное счастье, зато возможно обрести духовное спасение. Структура концептосферы Петербургского текста представлена на схеме 2.

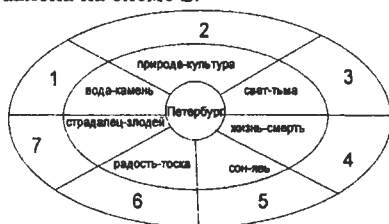

Схема 2 – Концептосфера Петербургского текста русской литературы

1 – Нева, наводнение, море, взморье, волна, болото, сырость, влага, изморось, лужи, дождь, туман, снег, тучи – гранит, мрамор, мостовая; 2 – вечер, ночь, утро, метель, ветер, жара, весна, лето, осень, зима – улица, проспект, набережная, мост, шпиль, дворец, фонтан, статуя, Медный Всадник, церковь, кабаk, дом, комната, концепты внутреннего пространства (окно, дверь, коридор, лестница, порог, угол, обои, замок, диван, комод, зеркало, кровать); 3 – солнце, луна, светильник, лампа, лампада, фонарь, свеча, луч, день, утро, заря, закат, белизна, белые ночи – ночь, сумерки, вечер, чернота, бес, вдруг; 4 – гроб, саван, покойник, труп, похороны, отпевание, панихида, могила, кладбище, погост, призрак; 5 – театр, маскарад, маска, домино, сцена, кулисы, декорации, публика, пьеса, роль, актер, кукла; 6 – скука, печаль, хандра, грусть, уныние, беспокойство, тревога; 7 – чиновник, проститутка, молодой человек, сумасшедший, самоубийца – ростовщик, старуха, карьерист

Особая группа концептов Петербургского текста связана с устойчивыми типами героев сверхтекста, которые появляются практически во всех его

составляющих. Помимо выделенных Й.К. Лилли (Йэн, К. Лилли. Ростовщики «Петербургского текста» [Текст] / Лилли К. Йэн // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 56. – 1997. – №1. – С. 36–42) типов *чиновник*¹, *проститутка*², *ростовщик*³, *сумасшедший*⁴ и *самоубийца*⁵, в Петербургском тексте немаловажную роль играют такие типы личности, как *молодой человек*⁶, *карьерист*⁷, *старуха*⁸. Герой сверхтекста может совмещать особенности нескольких типов личности, например, *молодого человека* и *карьериста* (гоголевский Чартков), *старухи* и *ростовщика* (процентщица из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») и т.д. Так, типы *сумасшедшего* и *самоубийцы* практически не встречаются в сверхтексте в чистом виде и всегда совмещаются с каким-либо более устойчивым типом личности. Каждый из жителей Петербурга представляет собой либо «маленького человека», страдающего, одинокого и беззащитного перед холодным, равнодушным к нему городом (*чиновник*, *проститутка*, *молодой человек*), либо злодея, призванного доставлять мучения окружающим его людям (*ростовщик*, *старуха*): «*Проститутки и чиновники, новый народ, войной окрашенный в серое, входил в лейтмотив тумана*» (Б. Пастернак. Петербург) (концепт *чиновник*); «*Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги*» (Ф. Достоевский. Преступление и наказание) (концепт *проститутка*); «*Морденко, может быть, и не был рожден с ростовщическими склонностями, но сделался самым злейшим из петербургских ростовщиков, квинтэссенцией этого благодетельного мира*» (В. Крестовский. Петербургские трущобы) (концепт *ростовщик*); «*Графиня сидела вся желтая, шевеля от-*

¹ К типу *чиновник* относятся герой пушкинского «Медного Всадника» Евгений, гоголевские Акакий Акакиевич и Поприщин, герои произведений Ф.М. Достоевского Макар Девушкин, господин Голядкин, Вася Шумков, Мармеладов, а также Забегжин из повести М.М. Зошенко «Коза» и Маракулин из ремизовских «Крестовых сестер».

² К типу *проститутки* относятся незнакомка, которую встречает на Невском проспекте гоголевский Пискарев, Сонечка Мармеладова, героиня романа Ф.М. Достоевского «Идиот» Настасья Филипповна, Чуха и Маша Поветина из «Петербургских трущоб» В.В. Крестовского, Катька из поэмы А.А. Блока «Двенадцать», героиня повести А.М. Ремизова «Крестовые сестры» Вера, Лида из романа К.К. Вагинова «Козлиная песнь».

³ Представителями типа *ростовщик* являются Корчинский из рассказа Н.А. Некрасова «Ростовщик», загадочный герой гоголевского «Портрета», Морденко в «Петербургских трущобах» В.В. Крестовского, Алена Ивановна из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского, главный герой произведения Ф.М. Достоевского «Кроткая».

⁴ К типу *сумасшедший* относятся пушкинские Евгений и Германн, гоголевские Чартков и Поприщин, герой повести Ф.М. Достоевского «Слабое сердце» Вася Шумков, князь Мышкин из романа Ф.М. Достоевского «Идиот», а также чиновник Голядкин и ростовщик Корчинский.

⁵ Представителями типа *самоубийца* являются гоголевский Пискарев, Свидригайлов из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», Маракулин из «Крестовых сестер» А.М. Ремизова.

⁶ К типу *молодой человек* относятся Евгений из «Медного Всадника», гоголевский Пискарев, персонаж «Петербургских трущоб» Иван Вересов.

⁷ Представителями типа *карьерист*, примыкающего к типу *молодой человек*, являются Германн из «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, Чартков из повести Н.В. Гоголя «Портрет».

⁸ К типу *старуха* относятся графиня из «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, Алена Ивановна из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», героиня повести Д.И. Хармса «Старуха».

вильми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма» (А. Пушкин. Пиковая дама) (концепт старуха); «В это время невольно остановился перед лавкою проходивший мимо молодой художник Чартков. Старая шинель и нецегольское платье показывали в нем того человека, который с самоотвержением предан был своему труду и не имел времени заботиться о своем наряде, всегда имеющем таинственную привлекательность для молодости» (Н. Гоголь. Портрет) (концепт молодой человек).

Тем не менее, анализ составляющих Петербургского текста показывает, что те его герои, которые воплощают в себе зло, не менее несчастны, чем безвинные страдальцы, которых они обрекают на муки. Любой из жителей Петербурга обречен на страдания от одиночества, от душевной боли, от унижений, которым ежечасно подвергает человека суровая столица, и заслуживает жалости, сочувствия.

Третья глава «Концептосфера Московского текста русской литературы» посвящена описанию концептосферы Московского текста русской литературы и выделению составляющих ее ядерного, околоядерных и периферийных концептов, многие из которых получают языковую репрезентацию и в пределах Петербургского текста. В работе выявлены как сходные смысловые оттенки, реализуемые данными концептами в обоих сверхтекстах, так и серьезные отличия в их интерпретации в рамках Московского текста по сравнению с Петербургским.

Москва, будучи весьма разносторонним городом, проявляет в посвященном ей сверхтексте различные черты, связанные с мифологемами «Москвы сакральной» (Третьего Рима, «сокровенного града Китежа», города-Феникса), «Москвы бесовской» (Второго Вавилона) и «Москвы праздничной»: «Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь» (М. Лермонтов. Панорама Москвы) (мифологема «Москва сакральная»); «Вот "Москва" переулков! Она же – Москва; точно сеть паучиная; в центре наук повисающий... кругом – жужель мух из паучника» (А. Белый. Москва под ударом) (мифологема «Москва бесовская»); «Москва светилась всеми огнями и шевелилась тысячами машин. До Нового года оставалось почти три недели, но везде уже виднелись признаки ожидания этого праздника. В сущности, зима только началась, снег пролежит еще четыре месяца, а Москва уже устала от зимы... и, быть может, поэтому так отчаянно веселилась» (Е. Гришковец. Рубашка) (мифологема «Москва праздничная»).

Ядерный концепт данного сверхтекста Москва получает репрезентацию в словах и описательных выражениях Москва, столица, православная столица, матушка, престольная, первопрестольная, белокаменная, златоглавая, Третий Рим, царица Руси, а также в слове город. Данный концепт обладает полевой структурой, что отражено на схеме 3.

Схема 3 – Структура ядерного концепта *Москва*

Концепт *Москва* реализует значение уникального города, равных которому нет нигде, города, где царят свои законы, где люди зачастую отличаются гостеприимством, безудержной щедростью, готовностью рисковать всем, что у них есть, ради удовлетворения сиюминутной прихоти, города, постижение глубинной сути которого есть познание противоречивой русской души. Эта смысловая сторона концепта *Москва* достаточно часто воплощается в словах *мать*, *матушка*, которые образуют словосочетания с лексемой *Москва*: «*На твоих церквях старинных / Вырастают деревья; / Глаз не схватит улиц длинных... / Это матушка Москва!*» (Ф. Глинка. Москва). Особенным уважением среди москвичей пользуются те, о ком говорит весь город, и весьма часто слову *Москва* в пределах сверхтекстового единства сопутствует определительное местоимение *вся*: «*У Ростовых были именинницы Натальи, – мать и меньшая дочь. С утра не переставая подъезжали и отъезжали цуги, подвозившие поздравителей к большому, всей Москве известному дому графини Ростовой на Поварской*» (Л. Толстой. Война и мир); «*Вся Москва от мала до велика ревностно гордилась своими достопримечательными людьми. И все это в пику чиновному Петербургу*» (А. Куприн. Юнкера). Кроме того, связанное с Москвой концептуальное поле включает метафоры *девица*, *княгиня*, *красавица*, *разумница*, *няня*, *старушка*, *бабушка*, *купчиха*, *мещанка*, *дворянка* и т.д., то есть данный концепт часто получает репрезентацию в существительных женского рода, что подчеркивает особую природу этого города. Например: *Где спесь твоя, княгинюшка?* – Румянец, / *Красавица?* – *Разумница*, – *где речь?* (М. Цветаева. Москве). Получая репрезентацию в слове *столица*, концепт *Москва* реализует при этом как отрицательные, связанные с «Москвой бесовской», так и положительные, присущие «Москве сакральной» оттенки смысла. Так, например, в составляющих Московского текста XIX в., где слова *Москва* и *столица*, как правило, сочетаются с прилагательными *православная*, *древняя*, *первопрестольная*, *старая*, создается образ «Москвы сакральной», святого города, снискавшего благословение свыше: «*Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случилось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, тот ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве*» (М. Лермонтов. Панорама Москвы). Однако, став официальной столицей нового государства, Москва обрела репутацию бездушного города, в котором человека ожидают тяжелые

испытания. Например: *«Июльская ночь духотой затопляет столицу. Лица синевеют в полях неона... Стада бляющих дачников растекаются по радиальным ада»* (А. Иличевский. Сдать Москву Родине).

Концептосферу Московского текста можно представить в виде круга, центральное место в котором занимает ядерный концепт *Москва*, обнаруживающий связи с околоядерными концептами *природа*, *культура*, *свет*, *радость*, *жизнь*, *смерть*, *счастье*. В отличие от Петербургского текста, в основе которого лежит принцип бинарной оппозиции, в пределах Московского текста околоядерные и периферийные концепты почти не вступают друг с другом в подобные отношения: природное начало в Москве не противопоставлено культурному, смерть оказывается переходом в иную жизнь и т.д. (единственной концептной оппозицией, имеющей для организации Московского текста немалое значение, является оппозиция периферийных концептов *церковь-кабак*). В ходе сопоставления концептосфер Московского и Петербургского текстов становится очевидным, что в Московском тексте не играют важной роли и не входят в околоядерную зону концепты *тьма*, *тоска*, имевшие важное значение для смысловой организации Петербургского текста. Кроме того, в пределах Московского текста немаловажное место занимает отсутствовавший в концептосфере Петербургского текста концепт *счастье*. Например: *«А как быть, если ты очень счастлив, но видишь чужую беду и пройдеши мимо – останешься ли ты по-прежнему счастливым? Нет... Вот это, видно, и есть настоящее счастье, если я радуюсь чужой радости так же, как и своей»* (Л. Воронкова. Личное счастье). Структура концептосферы Московского текста представлена на схеме 4.

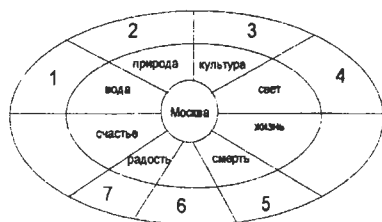

Схема 4 – Концептосфера Московского текста русской литературы

1 – дождь, снег, река, пруд; 2 – ветер, метель, трава, дерево, птица, тьма, бес, лето, осень, зима, весна; 3 – дом, чай, церковь-кабак, колокол, звон, колокольня, Кремль, Иван Великий, метро, улица, проспект, площадь, переулок, перекресток, бульвар, концепты внутреннего пространства, сад, парк, сквер, аллея, огород, роша, палисадник; 4 – свет, солнце, луна, светильник, лампа, лампада, фонарь, свеча, луч, день, утро, заря, закат, белизна; 5 – гроб, покойник, похороны, отпевание, панихида, могила, кладбище, погост, памятник, поминки, саван; 6 – дева, мать, старуха, молодой человек, карьерист; 7 – тоска

Большинство как околоядерных, так и периферийных концептов Московского текста (*дождь*, *снег*, *дерево*, *птица*, *улица*, *весна*, *лето*, *осень*, *зима*, *дом*, *церковь*, *колокол*, *кабак*, *чай*, *метро*, *солнце*, *заря*, *похороны*, *кладбище* и т.д.) реализуют в данном сверхтексте те же смысловые оттенки, что в стандартной языковой картине мира: *«Снег сиял ослепительно на солнце, и усы-*

паннные песком дорожки казались розовыми на нем. Эта снежная белизна и тишина утишали все думы, усыпляли» (И. Шмелев. Пути небесные) (концепт снег); «Дождь Замоскворечьем пробежал / И задел Таганку мимоходом. / Сыпал он горохом золотым / На седой асфальт под тополями – / И под ливнем выросли зонты, / Словно сыроежки на поляне» (В. Матвеев. Теплый дождь) (концепт дождь); «Была какая-то особенная магнетическая прелесть и неизъяснимая атмосфера общей влюбленности в этом маленьком деревянном уютном домике» (А. Куприн. Юнкера) (концепт дом); «В церкви всегда было мало народа; Наташа с Беловой становились на привычное место перед иконой Божией Матери, вделанной в зад левого клироса, и новое для Наташи чувство смирения перед великим, непостижимым охватывало ее» (Л. Толстой. Война и мир) (концепт церковь); «В комнате было тепло. Из-под большого желтого абажура лампы проливался на стол широкий круг света. Зина взглянула на стол и сразу увидела, кто чем был занят» (Л. Воронкова. Старшая сестра) (концепт свет); «Эта привычка осталась у Дмитрия еще со студенческих лет: если у него что-либо не ладилось в жизни, отчего в голову сразу лезли смутные мысли, он отправлялся к метро и вертелся там... Уверенность людей, постоянное их движение как нельзя лучше врачевали Дмитрия...» (В. Андреев. Красное лето) (концепт метро); «Похороны прошли спокойно и почти торжественно. Ничего того, что Миша опасался, с ним не произошло. Он смог подойти к гробу и попрощаться» (Е. Гришкoveц. Асфальт) (концепт смерть).

Сопоставительный анализ Московского и Петербургского текста показывает, что сходные концепты, получающие в пределах Петербургского текста отрицательную оценку, в Московском тексте чаще всего оцениваются с положительной стороны. Лишь в блоке текстов, объединенных мифологемой «Москва бесовская», часть концептов (дом, улица, бес) иногда реализует те же негативные оттенки смысла, что в Петербургском тексте. Например: «Я не хотел видеть то место, которое я подразумеваю, когда говорю: “Я пошел домой”» (Е. Гришковец. Рубашка) (концепт дом); «Пробираясь из улицы в улицу, он вдруг заметил, что зади крадутся по стене две какие-то тени» (А. Чаянов. «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина...») (концепт улица); «Дома она мне рассказала, что видела страшное: барон предстал перед ней в виде зеленого дьявола» (концепт бес). Особенное место занимает периферийный концепт кабаk, который почти всегда сопровождается в Московском тексте негативной оценкой и противостоит концепту церковь, однако играет в его пространстве более «безобидную» роль, чем в Петербургском тексте: если для жителей Петербурга кабаk – мрачное, почти бесовское место, то в Московском тексте кабаки – лишь средоточие суеты, где человек забывает о более важных делах. Например: «Я иду, головою свесясь, / Переулком в знакомый кабаk» (С. Есенин. «Да! Теперь решено. Без возврата...»). В работе проанализированы синтагматические и парадигматические связи концептов Московского текста. Так, в качестве контекстуальных синонимов слова улица рассмотрены лексемы проспект, перекресток, бульвар. Нами построены сравнительные концептограммы

ядерных концептов *Петербург* и *Москва*, а также концептов, являющихся ключевыми для обоих свертхтекстов (*вода, весна, лето, зима, осень, дом, улица, церковь, кабак, бес, свет, радость, жизнь, смерть*).

Как и в Петербургском тексте, важной является группа концептов, связанная с устойчивыми типами героев, однако общими для двух свертхтекстовых систем оказываются лишь типы *старухи*⁹ и *молодого человека*¹⁰, а также совмещающийся с ним тип *карьериста*¹¹. Представители типов *старухи* и *молодого человека* чаще всего оцениваются в пределах Московского текста с положительной стороны: «*Старушка не в силах была ему отвечать, но слабая рука ее благословила любезного сына*» (А. Погорельский. Изидор и Анюта) (концепт *старуха*); «*Ему приятно было чувствовать себя мальчишкой. Ни с кем он себя таким юным, говорящим все не то, неопытным и глупым не чувствовал, как с Юлей*» (Е. Гришковец. Асфальт) (концепт *молодой человек*). Концепты *старуха* и *молодой человек* проявляют негативные стороны лишь в немногих текстах (подобные персонажи неизменно бывают наказаны, хотя не столь сурово, как в Петербургском тексте).

Московский текст объединен образом женского города, «города-девы», покровительницей которого издавна считалась Пресвятая Богородица, и для него большее, чем для Петербургского текста, значение имеют женские типы: *девы*¹², *матери*¹³ и *старухи*, причем нередко в одна и та же героиня (например, Наталья Николаевна из романа Б.К. Зайцева «Золотой узор») прохо-

⁹ К типу *старуха* относятся героиня «Лафертовской маковницы» А. Погорельского, героиня повести А.Ф. Вельтмана «Не дом, а игрушечка!», Марья Дмитриевна из «Войны и мира» Л.Н. Толстого, прабабушка Устинья из «Лета Господня» И.С. Шмелева и Дарья Степановна из шмелевского романа «Няня из Москвы», героиня романа «Сивцев Вражек» М.А. Осоргина Аглия Дмитриевна, Наталья Николаевна из повести Н.М. Артюховой «Светлана».

¹⁰ К типу *молодой человек* относятся герой повести В.А. Жуковского «Марьяна роща» Усад, Елецкой из поэмы Е.А. Баратынского «Цыганка», опричник Кирибеевич из «Песни про... удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова, Чацкий из комедии А.С. Грибоедова «Горь от ума», Николай Ростов из «Войны и мира» Л.Н. Толстого, герой «Чистого понедельника» И.А. Бунина, Виктор из «Путей небесных» И.С. Шмелева, лирический герой московских стихов С.А. Есенина, Вася из романа М.А. Осоргина «Сивцев Вражек», герой повести Н.М. Артюховой «Светлана» Костя Лебедев, Сережа Крашенинников из повестей А.Н. Рыбакова «Приключения Кроша» и «Каникулы Кроша», Леня из «Тринадцатого года жизни» С.А. Иванова, Алеша из повести В.С. Андреева «Город не кончается», герой романов Е.В. Гришкова «Рубашка» и «Асфальт», молодой художник из рассказа А. Барбуха «Певческий переулочек».

¹¹ Представителями типа *карьерист* являются герой комедии А.С. Грибоедова «Горь от ума» Молчалин, Борис Друбешкой из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», персонаж романа В.С. Андреева «Красное лето» Жора, Игорь из повестей А.Н. Рыбакова «Приключения Кроша» и «Каникулы Кроша».

¹² К типу *дева* относятся Анюта из «Изидора и Анюты» А. Погорельского, Софья из комедии А.С. Грибоедова «Горь от ума», Наташа Ростова из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», героиня романа А.И. Kupрина «Юнкер» Зиночка, Танюша из романа М.А. Осоргина «Сивцев Вражек», Даринька из шмелевских «Путей небесных», Зина и Тамара из повестей Л.Ф. Воронковой «Старшая сестра» и «Личное счастье», Стелла из «Тринадцатого года жизни» С.А. Иванова, главная героиня повести Н.М. Артюховой «Светлана».

¹³ Тип *мать* представлен графиней Ростовской из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», а также матерями юнкера Александрова из «Юнкеров» А.И. Kupрина, лейтенанта Володьки из «Отпуска по ранению» В.Л. Кондратьева, героинь повестей Л.Ф. Воронковой, Кости Лебедева из «Светланы» Н.М. Артюховой.

дит путь от невинной, неискушенной девушки к матери. Практически все составляющие Московского текста содержат описания женщин, хрупких, нежных, мечтающих о счастье, страдающих и постепенно становящихся сильнее и мудрее: *«И тут он ее увидел: смутные, при рассвете, очертания девичьего лица, детские совсем губы, девственно нежный подбородок, молящие светлые глаза. На него повеяло с ее бледного, полудетского лица кротостью, чистотой и лаской»* (И. Шмелев. Пути небесные) (концепт *дева*); *«Только мама сидела тихо и поглядывала на них ясными серыми глазами. На ее продолговатом, никогда не загорающем лице лежал всегдашний слабый румянец»* (Л. Воронкова. Старшая сестра) (концепт *мать*); *«Это было чудо, не просто старушка, а молодая старушка... У старушки неизменны были и ангельская улыбка, и приятный взор. Морщинки как будто украшали ее личико»* (А. Вельтман. Не дом, а игрушечка!) (концепт *старуха*). Герои Московского текста, проходя через ряд испытаний, как правило, обретают счастье, связанное с домом, семьей, супружеством. Персонажей Московского текста невозможно разделить на страдальцев и злодеев: в их душах часто переплетаются доброе и злое начала. Лишь немногие из них погибают, отдавшись во власть своих мечтаний о запретном, большинство же представителей различных типов героев продолжают жить, преодолевая выпадающие на их долю трудности, а значит, не теряют шанса добиться счастья.

Московский текст во многом противостоит Петербургскому, и лишь мифотектоника текстов, связанных с изображением Москвы как Второго Вавилона (произведения А.В. Чаянова, М.А. Булгакова, современной прозы), обнаруживает некоторое сходство с петербургской. Нередко в пределах одной составляющей Московского текста сочетаются различные мифологемы Москвы, связанные как с отрицательной, так и с положительной оценкой Москвы русским человеком, и светлое, благодатное начало побеждает и вытесняет темное. Большинство рассмотренных в работе концептов входят в концептосферы как Петербургского, так и Московского сверхтекстов, но по-разному предстают в смысловом пространстве каждого культурно-смыслового единства. Московский и Петербургский текст, таким образом, находятся в своеобразном противостоянии-диалоге, имеющем важнейшее значение для национальной культуры. Развиваясь на протяжении XIX-XXI вв., оба сверхтекста обеспечивают непрерывность, преемственность русских культурных традиций, осмыслить которые возможно в ходе системного и сопоставительного анализа концептосфер данных сверхтекстовых систем. В наступившей ситуации самоопределения русского народа в мировом культурном пространстве, поиска им новых идеалов и стереотипов поведения Петербургский и Московский тексты могут послужить своеобразным предостережением против отказа от сотериологических ценностей.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, формулируются полученные в результате сопоставительного анализа концептосфер Петербургского и Московского текстов русской литературы выводы о том, что в пределах Петербургского текста многие явления русской жизни предстают в ином свете, чем в стандартной языковой картине мира, тогда как для Мос-

ковского текста характерно традиционное для национальной культуры миропонимание. В то же время в ходе исследования становится очевидной глубинная связь данных сверхтекстов. Кроме того, намечаются перспективы дальнейшего исследования данных сверхтекстовых единств, связанные с более подробной разработкой установления специфики каждого из значимых как для них, так и для национальной картины мира в целом концептов и изучении возможностей их репрезентации в языке. Возможно изучение не только входящих в Петербургский и Московский сверхтекстовые единства текстов художественного стиля, но и текстов других стилей, прежде всего публицистического. Перспективным представляется подробное сопоставление Петербургского и Московского текстов с другими сверхтекстами, сформировавшимися в пределах русской культуры (Сибирским, Крымским, Кавказским и т.д.), а также других славянских и западноевропейской культур (Пражским, Лондонским и т.п.), которое выявило бы как их связи, так и коренные различия. В дальнейшем возможна разработка лингвистики сверхтекста как нового научного направления.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. *Шурупова, О.С.* «Дыша одним дыханьем с Ленинградом...» (блокадная поэзия О. Берггольц) [Текст] / О.С. Шурупова // Русская речь: Научно-популярный журнал Российской академии наук, Российского фонда культуры. – М.: Наука, 2010. – №3. – С. 34-39. – 0,4 п.л.

2. *Шурупова, О.С.* Московский текст русской литературы и его герои [Текст] / О.С. Шурупова // Русская речь: Научно-популярный журнал Российской академии наук, Российского фонда культуры. – М.: Наука, 2011. – №1. – С. 97-102. – 0,4 п.л.

в других изданиях:

3. *Шурупова, О.С.* Православное Рождество: Народные традиции праздника (И. Шмелев. «Лето Господне») [Текст] / О.С. Шурупова // Духовно-нравственное воспитание и образование на основе национальных традиций: Материалы III Задонских Свято-Тихоновских образовательных чтений. (15-16 ноября 2007 г.; г. Липецк – Задонск) [редкол.: игумен Стефан (Киселев) и др.]. – Липецк, 2008. – С. 242-250. – 0,5 п.л.

4. *Шурупова, О.С.* Терпение и бунт как ключевые категории Петербургского текста русской культуры [Текст] / О.С. Шурупова // Материалы XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ». Секция «Филология» / Отв. ред. Е.И. Кислова. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 430-431. – 0,15 п.л. Работа помещена на <http://www.lomonosov-msu.ru>

5. *Шурупова, О.С.* Опозиция концептов «жизнь»-«смерть» в смысловой организации Петербургского текста русской культуры [Текст] / О.С. Шурупова // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і

літературознавство: Міжвуз. зб. наук. ст. / Відп. ред. В.А. Зарва. – Бердянськ: БДПУ, 2009. – Випуск XXII. – С. 121-129. – 0,5 п.л.

6. *Шурупова, О.С.* Репрезентация концептов «свет» и «тьма» в пространстве Петербургского текста русской литературы [Текст] / О.С. Шурупова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей / Отв. ред. Т.А. Кузьмина. – Липецк: ЛГПУ, 2010. – Вып. 7. – Ч. 2. – С. 151-158. – 0,4 п.л.

7. *Шурупова, О.С.* Чиновник в русской языковой картине мира [Текст] / О.С. Шурупова // Управление, экономика, право и социально-культурные институты общества в условиях глобального финансово-экономического кризиса: Материалы VI Межрегиональной студенческой научно-практической конференции (29 апреля 2009 г., г. Липецк). В 2-х ч. / Отв. ред. Ф.В. Филина. – Липецк: ЛФ ОРАГС, 2009. – Ч. 2. – С. 225-226. – 0,15 п.л.

8. *Шурупова, О.С.* «Петербург» как ядерный концепт Петербургского текста русской литературы [Текст] / Е.А. Попова, О.С. Шурупова // Теоретические и прикладные проблемы лингвокультурологии. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Г.В. Токарев. – Тула: Тульский полиграфист, 2009. – С. 169-175. – 0,4 п.л. (из них авторских 0,3 п.л.).

9. *Шурупова, О.С.* Оппозиция концептов *радость-тоска* в организации Петербургского текста русской литературы [Текст] / О.С. Шурупова // Язык. Дискурс. Текст: V Международная научная конференция, посвященная юбилею профессора Г.Ф. Гавриловой: Труды и материалы. Ч. I / Педагогический институт Южного Федерального университета. – Ростов-на-Дону: Изд-во «АкадемЛит», 2010. – С. 327-328. – 0,3 п.л.

10. *Шурупова, О.С.* «Город неугасимой, торжествующей жизни» (Блокадная поэзия О. Берггольц) [Текст] / О.С. Шурупова // «Прошли в огне солдаты русские, Отчизну славя и народ» (К 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Сборник статей [редкол.: Т.В. Гончарова и др.]. – Липецк: ЛГПУ, 2010. – С. 181-191. – 0,7 п.л.

11. *Шурупова, О.С.* Концепт «сон» в смысловом пространстве Петербургского текста русской литературы [Текст] / О.С. Шурупова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: Сборник научных трудов. Выпуск 13 / Под ред. О.В. Загоровской. – Воронеж: Научная книга, 2010. – С. 193-198. – 0,4 п.л.

12. *Шурупова, О.С.* Проблематика Петербургского текста русской литературы (на материале поэмы И. Бродского «Петербургский роман») [Текст] / О.С. Шурупова // Молодежь в науке: Проблемы и перспективы: Сборник материалов международной конференции молодых ученых [редкол.: И.Н. Глазунова и др.]. – Воронеж: Артефакт, 2010. – С. 251-254. – 0,3 п.л.

13. *Шурупова, О.С.* Концепт «природа» в Петербургском и Московском текстах русской литературы [Текст] / О.С. Шурупова // Живодействующая связь языка и культуры: материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук профессора В.Н. Телия: В 2-х т. / [редкол.: М.Л. Ковшова, Г.В. Токарев]. – М.; Тула: Изд-во Тул. гос. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2010. – Т. 2. – С. 101-105. – 0,3 п.л.

14. *Шурупова, О.С.* Оппозиция концептов *вода-камень* в структуре Петербургского текста русской литературы [Текст] / О.С. Шурупова // Языковые измерения: пространство, время, концепт. Материалы IV Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 2 июля 2010 г. Том 1 / Сост. Н.В. Иванов. – М.: Книга и бизнес, 2010. – С. 671-678. – 0,4 п.л.

15. *Шурупова, О.С.* Москва как ядерный концепт Московского текста русской культуры [Текст] / О.С. Шурупова // Лингвистика в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции (30 августа 2010 г.): Сборник научных трудов / Под. ред. Е.В. Шутовой. – М.: Изд-во «Спутник +», 2010. – С. 176-179. – 0,3 п.л.

16. *Шурупова, О.С.* «Счастье» как ключевой концепт Московского текста русской литературы [Текст] / О.С. Шурупова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сборник научных трудов. Вып. 14. Ч. 2 (Труды молодых исследователей-филологов) / Под ред. О.В. Загоровской. – Воронеж: Научная книга, 2010. – С. 93-98. – 0,4 п.л.

17. *Шурупова, О.С.* К вопросу о типе «молодой человек» в Петербургском и Московском текстах русской литературы [Текст] / О.С. Шурупова // Современная филология: теория и практика: Материалы II Международной научно-практической конференции 1-2 ноября 2010 г. – М.: Институт стратегических исследований, 2010. – С. 235-237. – 0,4 п.л.

18. *Шурупова, О.С.* Оппозиция концептов «церковь» и «кабак» в структуре Петербургского текста русской литературы [Текст] / О.С. Шурупова // Актуальные вопросы гуманитарной науки: сборник материалов областной научной конференции, посвященной Году учителя [редкол.: Е.Н. Герасимова и др.]. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. – С. 211-215. – 0,3 п.л.

19. *Шурупова, О.С.* Категория смерти в Петербургском и Московском текстах русской литературы [Текст] / О.С. Шурупова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей / Отв. ред. Т.А. Кузьмина. – Липецк: ЛГПУ, 2011. – Вып. 8. – С. 205-211. – 0,4 п.л.

20. *Шурупова, О.С.* Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» как часть Московского текста русской литературы [Текст] / О.С. Шурупова // Л.Н. Толстой в контексте русской культуры: сборник материалов научно-практической конференции. 9-10 декабря 2010 года. – Липецк: ЛИРО, 2010. – С. 110-113. – 0,3 п.л.

21. *Шурупова, О.С.* Элементы городского текста в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» [Текст] / О.С. Шурупова // Материалы итоговой научной конференции «О научном потенциале региона и путях его развития». – Липецк: ЛИРО, 2010. – С. 230-233. – 0,3 п.л.

Шурупова Ольга Сергеевна

**Концептосфера Петербургского и Московского текстов
русской литературы (сопоставительный анализ)**

Подписано в печать 14.04.2011 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. – 1. Тираж 100 экз.
Заказ № 256

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Липецкий государственный педагогический университет»
г. Липецк, ул. Ленина, 42

Отпечатано в РИЦ ЛГПУ

